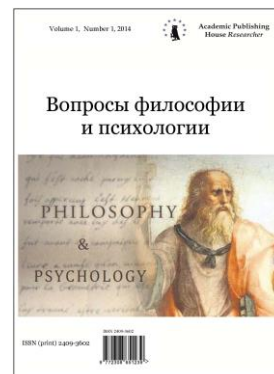

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2019, 6(1): 50-59

DOI: 10.13187/vfp.2019.1.50
www.ejournal20.com

Opposition «Human and Technology» as a Problem of Modern Philosophy

Natalya N. Rostova^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the problem of the relationship between human and technology in the modern world. The modern situation is characterized by the fact that the development of technology makes our lives not just convenient or comfortable, but changes the person. The status of a person today is questioned: is there something uniquely human that cannot be replaced by a machine or an algorithm? The author investigates the attitude to this problem in three spheres – religion, philosophy and art. Religion shows a tendency to hide the mystical space in favor of the digital. Art, distancing itself from philosophy, is not able to work with such fundamental problems as the relationship between human and artificial intelligence, the creator and the program. Western philosophy today, taking the position of anti-anthropocentrism, moves along the path of removing the boundaries between human and non-human, including between human and technology. The author examines in detail the logic of removing these boundaries on the example of the philosophy of Nancy and Simondon. Russian philosophy, remaining on the positions of anthropocentrism, draws a clear line between human and technology, conceptualizing the difference between consciousness and intelligence. The author comes to the conclusion that modern technology is a voluntary refusal of a person from himself.

Keywords: human, technique, consciousness, intelligence, algorithmic aesthetics, digitalization, anthropocentrism, J.-L. Nancy, J. Simondon, V. Pelevin.

Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви.
Н. Бердяев

Ровно пятьдесят лет тому назад Мартин Хайдеггер говорил о том, что мы вступаем в эру планетарной техники. И никто не может предвидеть, чем она станет (Хайдеггер, 1969). Сегодня нас окружают не умные люди, а умные дома, умные города и умные фонари. В расчете на комфорт мы с удовольствием передаем свои базовые способности машине, которая за нас помнит, считает, проводит аналитические операции, прокладывает маршруты, оповещает, находит нужные товары и друзей. Интернет вещей становится нашим естественным способом существования. Мы готовы окружить себя датчиками в надежде улучшить здоровье, рационализировать затраты, обезопасить свою жизнь и сделать ее более удобной. Развитие искусственного интеллекта превращается в главную

---

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

стратегическую задачу государств, таких, например, как Китай, сравнимую по своему пафосу и масштабам с задачей освоения космоса для СССР и США в недавнем прошлом.

Однако радикальность сегодняшних изменений состоит в том, что вместе с технологическим прорывом меняемся мы сами. Мы отныне не наблюдатели перемен, но их продукт. Как говорит Клаус Шваб, называющий современную ситуацию четвертой технологической революцией, само понятие «быть личностью» сегодня меняет свое содержание: «четвертая промышленная революция, - пишет он, - изменяет не только то, что мы делаем, но и то, кем мы являемся» (Шваб, 2018: 159). Это замечание Шваба примечательно, ведь, как правило, вопрос о современной технике сводится к вопросу о балансе между удобством и безопасностью, с одной стороны, и неприкосновенностью частной жизни, с другой (Гринфилд, 2018). Однако эти темы второстепенны по отношению к главной проблеме – антропологической трансформации. Проблема не в том, как техника меняет нашу жизнь и достойны ли мы ее благ, а в том, что статус человека сегодня поставлен под вопрос. Есть ли что-то уникально человеческое, на что не способна машина?

Впрочем, обозначив антропологический аспект и сказав о том, что сегодня стирается грань между человеком и машиной, Шваб ограничивается риторикой прогресса. Технологическая революция, говорит он, способна преобразовать и даже улучшить человека, расширить его права и возможности, изменить мир к лучшему в целом. На пути ее стоят лишь этические ограничения и косность определенных слоев населения. Представителей последних Шваб характерно называет «неудачниками», сторонников же изменений – «победителями» (Шваб, 2018: 160). Квалифицируя отношения между ними как борьбу, Шваб явно не рассматривает ее как реальную проблему, ибо, несмотря на то, что сегодня только 43 % населения земного шара подключены к интернету, по авторитетным прогнозам, приводимым Швабом, уже в 2025 году эта доля увеличится до 90 %. Шваб уверен, что четвертая технологическая революция ориентирована на человека, его смущает лишь то, что в свете всеобщей прозрачности «оплошности» частной жизни могут стать всеобщим достоянием. Его волнуют цифровые платформы для государственных функций, социальной коммуникации, личной информации, однако он ничего не говорит о последствиях и пределах процесса цифровизации. Есть ли что-то, для чего невозможна цифровая платформа? И что происходит тогда, когда необъективируемое объективируется?

У философии, религии и искусства есть свои ответы на этот вопрос.

Дух дышит, где хочет?

Религия сегодня обнаруживает куда большую гибкость, чем это можно было бы предположить. Протестанты, например, празднуя в 2017 году 500-летний юбилей Реформации, представили в Виттенберге, - немецком городе, в котором Мартин Лютер повесил на двери Замковой церкви свои 95 тезисов, - робота-священника под названием Bless U-2 («Благослови»). Похожий на банкомат робот, оснащенный тачпадом, может благословить всех желающих на пяти языках: немецком, английском, французском, испанском и польском, – и говорить двумя голосами – мужским и женским. Bless U-2 цитирует Библию и произносит слова: «Бог благославит вас и защитит». При желании можно получить распечатку слов робота. Старший пастор евангелической церкви Гессе и Нассау, которая представила данный экспонат на праздничной выставке, разъяснил, что таким образом община хотела привлечь внимание и спровоцировать дискуссию о том, может ли машина благословлять или нет. Роботы-священники известны и в буддизме.

В 2016 году в буддийском храме Лунцюань в Пекине появился 60-сантиметровый робот-монах по имени Сяньэр, передвигающийся на колесиках по голосовой команде. Похожий на старомодную игрушку робот держит в пластмассовых руках тачпад. Он может читать мантры, объяснять основы буддизма, воспроизводить музыку, вести простой диалог с людьми. У робота есть личная страница в мобильном приложении, где он нашел много последователей. Создатель робота Сянь Фань полагает, что его творение будет способствовать популяризации буддизма. Представители храма видят в роботе подтверждении того, что наука и религия могут дополнять друг друга.

В марте этого года в Киото появился робот-бодхисаттва по имени Миндар. Андроид олицетворяет японскую богиню милосердия Каннон, имеет почти двухметровый рост, покрытые силиконом руки и голову, а также алюминиевый торс. Буддийские монахи

поклоняются роботу Миндар, который женским голосом вещает буддийские сутры. Помимо надежды на популяризацию истин буддизма, столь почтительное отношение к роботу монахи объясняют тем, что богиня Каннон считается воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары. По верованиям, она способна перевоплощаться, а значит, она могла обратиться и в андроида.

Помимо роботизации религии активно осваивают мобильные сервисы. Католическая церковь, например, разработала специальное приложение для верующих «click to pray», то есть «кликай и молись», которое позволяет совершать совместные молитвы с папой Римским и получать мгновенное извещение о том, что молитва успешно состоялась. Исламская традиция также предлагает свои виртуальные сервисы. Одновременно пятидесятники создают виртуальные церкви. Кажется, только православная церковь сегодня озабочена всеобщей цифровизацией, возникновением виртуальных якобы православных часовен в интернете и установлением биометрических камер в храмах. В рождественском интервью патриарх Кирилл назвал гипотетический «контроль из одной точки», который открывают современные технические достижения, «предвестием пришествия антихриста». «Антихрист, – сказал он, – это та личность, которая будет во главе всемирной паутины, контролирующей весь человеческий род. Значит, сама по себе структура представляет опасность. Не должно быть единого центра, по крайней мере, в обозримом будущем, если мы сами не хотим приблизить Апокалипсис» (РИА Катюша, 2019).

Дух, как известно, дышит, где хочет. Но человек пластичен, и технизация религиозных практик меняет его самого. Как нельзя отождествить написание текста от руки и написание текста при помощи компьютера. Прежде всего, в силу различных скоростей. Первое событие допускает мысль. Второе – ее исключает. Мыслить и соображать не одно и то же. Переживание, мысль, созерцание, понимание, проникновение, вера, молитва нуждаются во времени. Люди прежних времен уходили в долгие паломничества. Эти паломничества были долгими не оттого, что не было самолетов, а оттого, что их время было соразмерно переживанию. Сегодня мы многое переживаемое не успеваем пережить. Непережитое сгущается над нами и ждет своей минуты. Иногда оно находит свою минуту во сне – том пространстве одиночества, что все еще не проницаемо извне.

Однако дело не только во времени. А в осязательности, практике конкретного переживания. Вместе с виртуализацией религиозных практик из культа исчезает плотность, плоть, которая дана в обряде. Плоть культа позволяет иметь дело с конкретикой переживания тайны, а не с умозрением. Сторонники виртуальных церквей спекулируют на идее их всеобщей доступности для инвалидов, больных, а также тех, кто не хочет лишиться раз наряжаться для службы, кто желает остаться анонимом и свободным в любой момент отключить гарнитуру. Люди с ограниченными возможностями, разумеется, здесь ни при чем. Ибо церковь – это община. И связь с церковью сохраняется всегда, покуда она остается быть собой, то есть общиной. В этом состоит суть отшельничества. Отшельник – это не одиночка, но тот, кто в своем одиночестве непрестанно удерживает свою связь с общиной, видимой и невидимой. Речь здесь идет о предельном искажении идеи церкви, когда из общины она превращается в принципиально ситуативное сообщество анонимов, не связанных между собой ни ритмом, ни плотью обряда, ни верой. Соборное сознание заменяется радикальным индивидуализмом. Дэвид Сото, основатель пятидесятнической церкви виртуальной реальности, хочет предоставить верующему возможность посетить церковь, сидя у себя дома на диване в пижаме. Но именно это сидение дома на диване в пижаме решительно меняет суть события богослужения. Оно обрекает последователя идей Д. Сото на немощное одиночество. Ибо обряд дает аванс вере, дает ей форму, подготавливает человека к таинству, подводит его к нему, заставляет человека отсечь посястороннее. Община дает пространство расширения человека, трансцендирования за пределы собственного «я» к своей истине. Она удерживает человека в пространстве традиции. Непрестанность культа позволяет человеку из хаоса своих разрозненных состояний собирать и удерживать сознание. Вне обряда и общины человек обречет на маяту в бесконечном круге субъективных призрачных состояний. Можно сказать иначе. Человек идет в церковь не для того, чтобы его услышал Бог, а для того, чтобы услышать Бога.

И все же роботы-священники – это вызов. Когда-то мистики говорили о том, что о благодати мы узнаем по движению в своем сердце. То есть незримо. Но со всей

очевидностью. Сегодня человек предался безудержному процессу самообъективации. Отныне благословение на него нисходит в форме распечатки из банкомата. Это означает лишь то, что человек решается отказаться от пространств своего расширения и стать тем, что он есть, предельной самотождественностью. Но именно в расширении человек возможен как человек.

Что означает новая постановка вопроса о технике?

Сегодня философом техники объявляет себя Ж.-Л. Нанси. Приехав в Москву в 2016 году, он заявил: главный вопрос сегодня – это техника. Вопрос о технике еще не был по-настоящему поставлен. Не поставили его ни Хайдеггер, ни Ортега-и-Гассет.

Философия начинается с творческой дерзости, однако такое противопоставление классикам объясняется более существенным обстоятельством. М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет, как известно, предложили свои понятия техники. Первый связал технику с техне, с раскрытием потаенного, выведением его на свет. Второй – с приспособлением природы к нуждам человека. Одного волновало соотношение древней техники и современной техники, другого – соотношение техники восточного типа и западного. Сколь бы различны ни были их концепты, Хайдеггер и Ортега-и-Гассет едины в вопросе о человеке. Они столь же являются певцами техники, сколь и человека. Сокровенный смысл человека для обоих заключен в технике. Там, где техника, там событие человека. Как говорит Хайдеггер, «Человек сбывается только в со-бытии истины как требующейся для него. Осуществляющее, тем или иным образом посылающее на путь раскрытия потаенности есть как таковое спасительное. Ибо оно дает человеку увидеть высшее достоинство своего существа и вернуться к нему. Это достоинство в том, чтобы беречь непотаенность...» (Хайдеггер, 1993: 236). Ортега-и-Гассет в свою очередь пишет, что человек вообще «начинается с развития техники. Те большие или меньшие бреши, которые человек пробивает в природе, – не что иное, как ячейки, куда он вмещает собственное эксцентрическое бытие... миссия техники – освобождение человека, дарующее ему возможность всецело быть самим собой» (Ортега-и-Гассет, 1997: 192). Для обоих техника неприродна, противостоит ей. Хайдеггер это противостояние онтологически обеспечивает понятием бытия, которое призывает человека к раскрытию потаенного. Ортега-и-Гассет – представлениями о двойственной природе человека, одновременно природной и сверхприродной, а также об эксцентричности и проективности человеческой жизни. Иное дело Нанси. Если для Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета техника – это способ говорить о человеке как феномене, то для Нанси, напротив, концепт техники – это способ снять вопрос о человеке с философской повестки. Нанси стирает противостояние между человеком и природой, природой и техникой, техникой и человеком. Техника для него – это не то, что как искусственное противостоит естественному. Равно как и не то, что как механическое противостоит сознательному. Техника – это апофеоз самораскрытия природы через человека.

Хайдеггер, рассуждая о произведении как способе раскрытия потаенного, оговорился о том, что фюзис в своем высшем смысле также является произведением. Но в отличие от художества и ремесла природа несет начало произведения в себе, а не в другом (художнике, ремесленнике). Возникает вопрос, природа в произведении столь же захвачена зовом к раскрытию потаенного, что и человек, или же она производит произведение по другим законам? Если вспомнить о том, что бытие, согласно Хайдеггеру, это не то, что есть, но то, что дано, второй вариант кажется очевидным. Однако Хайдеггер, вкрапляя рассуждения о природе, оставляет место двусмысленностям. Для Нанси же тезис о самораскрытии природы является основой его концепции. Есть, говорит он, два способа мыслить технику: или человек и техника посторонние миру, или же техника осуществляет что-то в человеке, что происходит от самой природы. Первый вариант – по сути, Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета – в отличие от второго, по мнению Нанси, сложно вообразить. Для объяснения своего тезиса Нанси берет из естественных наук термин, который можно перевести на русский язык как «раскрытие из одной плоскости», «разрыв». Техника, говорит он, это разрыв природы, который делает доступным не доступное до самого разрыва. Человек – это тоже разрыв природы. Термин разрыв, уточняет Нанси, применим в биологии, когда говорится о появлении лепестков из той же материи, что и стебли. Неудивительно, что Нанси нравится Аристотель, для которого человек – это животное, наделенное логосом. Человек – это

именно животное, подчеркивает Нанси. Логос же был дан природой животному, чтобы удовлетворить нужду, которую не может удовлетворить сама природа. Вопрос о том, откуда у человека появилась нужда, говорит Нанси, не имеет ответа. Однако не стоит человека путать с другими животными, ибо и они тоже восполняют свои недостатки, строя плотины, собирая муравейники и проч. Человек же такое животное, удовлетворение недостатков которого приводит к избытку в отношении природы. Вот в это избытке и стоит, по мнению Нанси, искать ключ к технике. Впрочем, феномен этой избыточности Нанси так же оставляет без ответа, как и вопрос об изначальном изъяне человека.

Оставив все ключевые вопросы без ответа, Нанси завершил свою лекцию о технике остроумными по поводу традиционных критериев, определяющих человека, – прямохождения и речи, – подведя слушателей к своей основной гипотезе – природа не отделена от человека и от техники, ибо они суть единый процесс.

Идею самораскрытия природы через человека в технике Нанси развивал и в более ранних рассуждениях, опираясь на философию И. Канта. Нужно, говорит Нанси, мыслить природу как технику, а человека как «техническое существо». Почему? Потому что природа после Канта есть не то, что о ней задумал Бог, и не то, что имеет смысл в самой себе. Но то, что не имеет очевидной целесообразности. У человека, говорит Нанси, ссылаясь на Канта, осталась последняя способность души – способность суждения. Вот эту способность Нанси и называет технической. «Действие способности суждения, – пишет Нанси, – действие техническое. Но что это такое? Это действие того, что связывает разнообразие с единством представления, а это и есть техника» (Нанси, 1996). При помощи способности суждения человек связывает хаос эмпирических фактов, который являет природу в отсутствие внутренней целесообразности, и подводит под единство представления о природе. «Природа, – констатирует Нанси, – по существу неотделима от человека как своей цели» (Нанси, 1996). И еще: «целесообразность природы – это культура» (Нанси, 1996). Связав человека, природу и технику при помощи идеи способности суждения, Нанси редуцировал человека до технического существа. Эта редукция стала возможна потому, что он оставил без внимания другие способности души, названные Кантом. Кант, прежде всего, различает тех, кто создает правила, и тех, кто им следует, генералов и офицеров. Первые воображают, вторые подчиняются. Офицеру, говорит Кант, предписано лишь общее правило, он должен сам решать, как ему поступать, прибегая к способности суждения. Помимо генералов и офицеров есть простолюдины, слуги и чиновники, которым в способности суждения нет нужды, им достаточно знать назначения вещей, или, как говорит Кант, рассудка, способности познания правил (Кант, 2002: 247). Нанси отождествил «способность суждения» и «способность целесообразности». Однако в вопросе о целесообразности первичен не вопрос «сообразности», а вопрос «цели», иначе говоря, полагания цели, а потому это две разные способности. Человек – не тот, кто технически подводит частное под общее правило, но, прежде всего, тот, кто создает это правило или цели. Или, как говорит Кант, правила человек устанавливает себе сам. А значит, вопрос техники должен быть оставлен на периферии вопроса о человеке, но также и природы.

Порабощение машин людьми

Однако Нанси – не единственный, кто выступает за снятие оппозиции «человек-техника-природа». Сегодня популярным становится обращение к идеям Ж. Симондона, который в прошлом веке заявлял о том, не техника поработила человека, а человек – технику. Пора перестать делать из технических объектов рабов и отнести к ним с дружелюбием. В 1968 году он говорил: «... нам следует избавиться от полного безразличия и отношения к ним как к рабам. Нам необходимо нечто среднее: дружелюбное отношение, чувство совместного существования с ними. И, возможно, чуть больше аскетизма даже в тех случаях, когда они стареют и перестают быть полезными, чуть больше благодарности по отношению к состарившемуся техническому объекту, который заслуживает если не обожания, то хотя бы уважения вследствие своего возраста» (Симондон, 1968). В чем причина такого чуткого отношения к технике?

В том, что только утилитаризм порождает чистую эксплуатацию. Техника не утилитарна, а информативна. Она содержит в себе информацию об изобретении, кристаллизацию мысли, позволившей разрешить проблему. Акт изобретения – это не

индивидуальное творчество, но объективация природного, дочеловеческого, которое конституирует человека. Как пишет Симондон: «Человек изобретает, воплощая в жизнь свое собственное природное основание, этот *ἄλειρον*, с которым соединено каждое индивидуальное бытие. Никакая антропология, отталкивающаяся от человека как от индивидуального бытия, неспособна обнаружить трансиндивидуальное техническое отношение... Изобретает не индивид, а субъект, который есть нечто большее, более богатое, чем индивид, и который имеет в своем составе, помимо индивидуальности индивидуированного бытия, определенный заряд природного, не-индивидуированного бытия» (Симондон, 2014). Иными словами, человек – это не то, что он есть, а то, что ему предшествует. Человек определен дочеловеческой природой, которая выговаривает себя через человека в техническом изобретении. Техника оказывается платформой общества. Более надежной, чем труд, социальные классы, экономика и аффекты. Трансиндивидуальные отношения, по мысли Симондона, способны создать новый тип общества, в котором коммуникация между людьми будет основана на том, что они изобретают. «Чтобы, – говорит Симондон, – технический объект был встречен как технический, а не как чисто утилитарный, чтобы он был расценен как результат изобретения и как носитель информации, а не только пользы, необходимо, чтобы получатель обладал определенными техническими формами. Тогда посредством технического объекта создается межчеловеческое отношение, которое есть модель трансиндивидуальности. Под последней можно понимать такое отношение, которое устанавливается между индивидами ни посредством их конституированной индивидуальности, – что отделяло бы одних от других, – ни посредством того, что есть одинакового в каждом субъекте, – например, априорных форм чувственности, – а посредством того заряда до-индивидуальной реальности, того заряда природного, который хранится в индивидуальном бытии и содержит потенции и виртуальность. Объект, возникающий благодаря техническому изобретению, несет с собой что-то от породившего его бытия и выражает этим бытием то, что меньше всего привязано к *hic et nunc*» (Симондон, 2014). Вот этот заряд природного и есть то общее, что предшествует делению людей на индивиды. Проникая в суть техники, изучая ее, человек обращается к собственной природной истине. Симондон даже предлагает провести психоанализ технических объектов.

Человек или алгоритм?

Искусство стерло границы между человеком и машиной 90 лет назад в документальном фильме Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом». Дзига Вертов вывернул наизнанку внутреннее человека и отождествил его жизнь с процессом упаковки пачки сигарет. Жизнь города подобна жизни завода. Жизнь человека подобна жизни города. Новаторство Дзиги Вертова состоит не в том, что он открыл новые ракурсы и показал доселе не охватываемое зрением, а в том, что он представил мир как тотально обозримое. Все можно увидеть, все возможно опредметить. Рождение и смерть. Любовь и расставание. Пробуждение и сон. Вертов лишил мир внутреннего. Он редуцировал человека к машине. Его киноглаз поистине показал свежую картину мира – мира, лишённого человека. Как заявлял сам Вертов в своем манифесте: «Мы исключаем временно человека как объект киносъёмки за его неумение руководить своими движениями. Наш путь – от ковыряющегося гражданина через поэзию машины к совершенному электрическому человеку. Вскрывая души машин, влюбляя рабочего в станок, влюбляя крестьянина в трактор, машиниста в паровоз, мы вносим творческую радость в каждый механический труд, мы родним людей с машинами, мы воспитываем новых людей. Новый человек, освобожденный от грузности и неуклюжести, с точными и легкими движениями машины, будет благодарным объектом киносъёмки» (Вертов, 1922). Вертов вскрывает души машин, а не людей. Человек – это всего лишь несовершенная машина, как глаз – несовершенный киноаппарат. Вертов, подобно де Кирико в живописи, захотел увидеть нечеловеческий машинный мир нечеловеческим оком киноглаза. И у него это получилось.

Сегодня вопрос о стирании границ между человеком и машиной в искусстве включает вопрос о статусе художника. Обладает ли человек по-прежнему привилегией быть творцом в эпоху алгоритмической эстетики, когда не только животные пишут картины, но также

машины сочиняют музыку, создают изображения и тексты? Помимо обилия масс-продукции – сериалов, мультипликационных и художественных фильмов, – попытки помыслить радикальные перемены с человеком в эпоху интернет, соотношение человека и искусственного интеллекта, творца и машины присутствуют и в литературе, претендующей на роль новой классики. В 2017 году В. Пелевин посвятил этому роман. В 2019 году Богомолов поставил одноименный спектакль. О спектакле говорить не стоит, ибо он относится высмеиваемому самим Пелевиным искусству, которое ко второй половине XXI века уже не знает, чем завлечь зрителей, и тщетно использует для этого сцены совокупления со слонами. Мы, в отличие от героев романа Пелевина, находимся еще в первой половине века, и слонов режиссер нам пока не показал, но двигается он в рамках именно такой логики – не по пути мысли и образа, а по пути набившего оскомину эпатажа.

Пелевин хочет написать интеллектуальный роман. Но начинает с игры в легализацию запретного, вынося в название книги нецензурное слово. За рефлексией и остротами над современной культурой (часто точными), пародиями на классическую русскую литературу скрывается несложная философия. Искусственный интеллект – это не робот с лампочкой, а то, чего в онтологическом смысле нет. И его вернее всего было бы определить как «дух». Впрочем, как и человека. «Фундаментальная природа человеческой личности, – говорит Пелевин от лица искусственного интеллекта, – та же самая. Мы одной крови» (Пелевин, 2019: 8). С названного тождества начинается роман, и все многостраничное его продолжение будет лишь длением этой установки. Пелевин ничего не исследует. Он заранее уравнивал человека и машину – сперва в пользу человека – и пошел по пути антропоморфизации искусственного интеллекта. А затем – в пользу искусственного интеллекта – и пошел по пути примитивизации человека.

Перед нами предстает главный герой романа – следователь Порфирий Петрович. Этот следователь не человек, но программа, однако о том, что он программа, говорят лишь его собственные констатации: я ничего в прямом смысле не думаю, я ничего в прямом смысле не чувствую, я ничего не хочу. Кроме этих ремарок ничто в нем не выдает существо нечеловеческое. Он очаровывает героиню и нас вместе с ней своим красноречием и изобретательностью. Но человек – это не речь и не смекалка. Человек, заявляет Пелевин, это, прежде всего боль. «Что есть твое сознание, человек, как не вместилище боли?», – патетически вопрошает Пелевин (Пелевин, 2019: 470). Если Порфирий Петрович так до конца романа и остается в статусе антропоморфного искусственного интеллекта, который «пишет» для нас добрую его часть, то другая программа по имени Жанна, по совместительству художница и любовница главной героини, на наших глазах вочеловечивается. Каким образом? Через боль. Под болью Пелевин понимает опыт темноты, замкнутого пространства, дурных запахов, испуга от проехавшего слишком близко автомобиля, чьих-то пинков, базарного гомона – «бессмысленно-мучительные переживания... почти всегда омерзительные» (Пелевин, 2019: 432). Но человеческая боль – это не «омерзительные» переживания, это страдания, причина которых находится в самом человеке. Боль – это сознание самого себя. Сознание Пелевин понимает по аналогии с коллаидером. «В коллаидере, – пишет Пелевин, – атомные ядра бомбардируют разогнанными частицами. С сознанием Жанны поступали примерно так же. Бомбардировали его фрагментами гипсовых состояний ума. Вернее, одни гипсовые состояния ума сталкивали с другими» (Пелевин, 2019: 430). Но проблема заключается в том, что у программы нет сознания, и неясно, что «бомбардировали» ее творцы. В тайне этого «что» и содержится главный художественный вопрос. Но, рассказывая о том, что у программы Жанна ее разработчики «пробуждают сознание» (Пелевин, 2019: 423), «собирают ее по своему образу и подобию» (Пелевин, 2019: 438), Пелевин его игнорирует. А потому Жанна, модифицируя себя, начинает «менять свое восприятие», задаваться вопросом «о смысле происходящего», у нее возникает «мысль о творце» и о смысле ее самой (Пелевин, 2019: 433-437). Пелевин воображает искусственный интеллект, который не только может самоизменяться, но способен на творчество, любовь, чувства, свободу выбора и даже страдание.

Причина такой легкости в отождествлении человека и машины – активная нелюбовь Пелевина к философии. Причина этой нелюбви – разумение под философией то, что ею не является. Подобно тому, как Пелевин редуцировал человека к машине, а машину возвел к

человеку, философию Пелевин понимает как «софт». А поскольку это «софт», будьте, предупреждает Пелевин, осторожными. Прочитать Сартра – это все равно что невинной девушке познать опыт «по десять раз с каждым из двенадцати солярных механизаторов в вашем депо» (Пелевин, 2019: 387). «Философские тренажеры не воспитывают ум, – резюмирует Пелевин, – Они его искривляют. Когда голову развивают подобным образом, в нее закачивают софт, который немедленно начинает участвовать в каждой вашей «встрече с бытием». И, закачав этот софт, назад вы его уже не откачаете» (Пелевин, 2019: 387). Освоить Сартра можно, но молодым, свежим и непосредственным восприятие уже не будет никогда. По этой причине, объясняет Пелевин, знатоки чужого творчества ничтожны как творцы. Но Пелевин не знает, что «осваивание» не имеет никакого отношения к философии. Философия может быть только своей, то есть всегда молодой и непосредственной. И прочитать философский текст случается лишь тогда, когда случается его сделать своим. Как выражается Бердяев, философски я могу познавать лишь свои идеи, делая идеи Гегеля своими собственными идеями. Смысл возможен только как свой смысл, и никогда как чужой. Сделать чужие идеи своими – не то же, что стать «знатоком» чужих идей. Знатоки – это зрители мысли, то есть посторонние. Философия не знает мысли, а мыслит. Философия радикально меняет человека, но измениться здесь не то же, что утратить свой ум, но, быть может, впервые его обрести. Мы мало используем философские «тренажеры», а потому слабо различаем машины и сознание, физическую опасность и страдание, философию и софт, тексты искусственного интеллекта и литературу.

Самым интересным в романе является смерть героини. Она умерла без внешней на то причины. Ее нашли в очках дополненной реальности рядом с ее телефоном. Мы знаем, что этому предшествовала виртуальная борьба с программой, закончившаяся смертельным поцелуем с ней. Но никаких змей, русский печей и прочих мучивших ее фантазмагорий нет, а тело есть. Когда-то человек умирал от того, что он нарушил табу, совершил пре-ступление. Он умирал не потому, что его наказывали, но потому, что нарушение запрета было невозможным для него, оно уничтожало его метафизически, и он не мог более существовать. Он умирал от самонаказания. В романе нет ни одного рассуждения о тайне этого «само». Но эта смерть неожиданно указывает на нее. Человек – не механический эффект коллайдера, но тот, кто обнаруживает внутреннюю причину жить и умирать.

Мир, который мы не понимаем

Человека определяют не смартфоны и искусственный интеллект, а способы самоописания. От того, как мы понимаем и описываем себя, зависит наше бытие в культуре. Сегодня мы живем в мире, который плохо понимаем. Вопрос о технике сегодня – это, прежде всего, вопрос о человеке. Судьба экспериментов с природой человека, этические соображения зависят от главного вопроса: «Что есть человек?». Сегодня нет ответа на этот вопрос. А потому нет не только способа понимания происходящего, но и оснований, позволяющих нам выносить суждения, в том числе и этические. Практики опережают наше понимание, они уже присутствуют в нашей жизни без легализации с нашей стороны. Мы все чаще принуждены ставить вопросы задним числом.

Западная философия сегодня, делая решительный шаг в сторону деантропологизации мышления и мира, стирает границы между человеком и техникой. Русская философия, оставаясь по позициям антропоцентризма, проводит ясное различие между человеком и техникой, концептуализируя понятия «сознание» и «интеллект». У техники есть интеллект, и искусственный интеллект превосходит естественный. Но только у человека есть сознание как пространство чистого произвола воображения.

Если человек начинается с одиночества, с отношения к себе, то техника – это то, что, подобно эссенции, проникает в самое интимное пространство человека, заполняя его собой. Мир ловит нас, а мы ускользаем. Современная техника – это тот другой, которому удалось выдать себя за непосредственное. Это абсолютная победа мира над одиночеством. Вне отношения к себе не может быть отношения к ближнему. В техническом мире мы все одиноки без возможности встретиться со своим одиночеством. Если человек – это память, ибо память есть условие сознания, его внутренней упорядоченности, то автоматическое запоминание – это отказ от сознания. Если человек – это эмоция и созерцание, то рассчитывающий интеллект машины – это то, что избавляет нас от этого бремени. Мыслить

– не то же, что смекать. Исследовать и практиковать вдумчивое чтение – не то же, что «туглить» на заданную тему. Переживать – не то же, что передавать знаки переживания. Человек – это необъективируемое. То, для чего нет социальной и цифровой платформы. Техническая объективация расчеловечивает человека, закрывая доступ к пространствам трансцендирования. Если человек – это страдания, позволяющие человеку обратиться к себе, то мир, технически освобожденный от боли, это позитивный мир без человека. Бердяев говорит: техника – это последняя любовь человека. Ключевым здесь сегодня видится слово «последняя», ибо современная техника – это прощание человека с самим собой.

Литература

- Вертов, 1922** – *Вертов Д.* (1922). Мы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov
- Гринфилд, 2018** – *Гринфилд А.* (2018). Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Дело. 424 с.
- Кант, 2002** – *Кант И.* (2002). Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука. 471 с.
- Нанси, 1996** – Техника и природа. Интервью с Ж.-Л. Нанси 1996 года. [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1997_09/08.htm
- Ортега-и-Гассет, 1997** – *Ортега-и-Гассет Х.* (1997). Размышления о технике. Избранные труды. М.: Издательство «Весь Мир». С. 164-233.
- Пелевин, 2019** – *Пелевин В.О.* (2019). iPhuck 10. М.: Эксмо. 480 с.
- РИА Катюша, 2019** – РИА Катюша от 09.01.2019. Патриарх против антихриста. [Электронный ресурс]. URL: <http://katyusha.org/view?id=11275>
- Симондон, 1968** – *Симондон Ж.* (1968). Беседа о механологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3yixELENPVw>
- Симондон, 2014** – *Симондон Ж.* (2014). О способе существования технических объектов. [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects>
- Хайдеггер, 1969** – Интервью М. Хайдеггера французскому журналу «Экспресс» 1969 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/2281209/post169912866/>
- Хайдеггер, 1993** – *Хайдеггер М.* (1993). Вопрос о технике. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика. С. 221-238.
- Шваб, 2018** – *Шваб К.* (2018). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 288 с.

References

- Grinfeld, 2018** – *Grinfeld A.* (2018). Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical technology: the device daily life]. M.: Delo. 424 p. [in Russian]
- Hajdegger, 1969** – Interv'yu M. Hajdeggera francuzskomu zhurnalu «Ekspress» 1969 goda [Interview with M. Heidegger of the French magazine "Express" in 1969] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/2281209/post169912866/> [in Russian]
- Hajdegger, 1993** – *Hajdegger M.* (1993). Vopros o tekhnike [Question of technology]. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika. pp. 221-238. [in Russian]
- Kant, 2002** – *Kant I.* (2002). Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropology from a pragmatic point of view]. SPb.: Nauka. 471 p. [in Russian]
- Nansi, 1996** – Tekhnika i priroda. Interv'yu s Zh.-L. Nansi 1996 goda [Technique and nature. Interview with J.-L. Nancy, 1996]. [Elektronnyi resurs]. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1997_09/08.htm [in Russian]
- Ortega-i-Gasset, 1997** – *Ortega-i-Gasset H.* (1997). Razmyshleniya o tekhnike [Reflections on the technique]. Izbrannye trudy. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». pp. 164-233. [in Russian]
- Pelevin, 2019** – *Pelevin V.O.* (2019). iPhuck 10. M.: Eksmo. 480 p. [in Russian]
- RIA Katyusha, 2019** – RIA Katyusha ot 09.01.2019. Patriarh protiv antihrista [The Patriarch against the Antichrist]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://katyusha.org/view?id=11275> [in Russian]
- Shvab, 2018** – *Shvab K.* (2018). Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya [The fourth industrial revolution]. M.: Eksmo. 288 p. [in Russian]

Simondon, 1968 – *Simondon Zh.* (1968). Beseda o mekhanologii. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3yJxELENPVw> [in Russian]

Simondon, 2014 – *Simondon Zh.* (2014). O sposobe sushchestvovaniya tekhnicheskikh ob"ektov [On the mode of existence of technical objects]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects> [in Russian]

Vertov, 1922 – *Vertov D.* (1922). My [We]. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov [in Russian]

Оппозиция «человек и техника» как проблема современной философии

Наталья Николаевна Ростова^{а, *}

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблема соотношения человека и техники в современном мире. Современная ситуация характеризуется тем, что развитие техники делает нашу жизнь не просто удобной или комфортной, но меняет самого человека. Статус человека сегодня поставлен под вопрос: есть ли что-то уникально человеческое, что не может заменить машина или алгоритм? Автор исследует отношение к этой проблеме в трех сферах – религии, философии и искусства. Религия обнаруживает тенденцию к скрадыванию мистериального пространства в пользу цифрового. Искусство, дистанцируясь от философии, оказывается не способным работать с такими фундаментальными проблемами, как соотношение человека и искусственного интеллекта, творца и программы. Западная философия сегодня, занимая позицию антиантропоцентризма, движется по пути снятия границ между человеческим и нечеловеческим, в том числе между человеком и техникой. Автор подробно исследует логику снятия данных границ на примере философии Нанси и Симондона. Русская философия, оставаясь на позициях антропоцентризма, проводит четкую границу между человеком и техникой, концептуализируя различие сознания и интеллекта. Автор приходит к выводу, что современная техника – это добровольный отказ человека от самого себя.

Ключевые слова: человек, техника, сознание, интеллект, алгоритмическая эстетика, цифровизация, антропоцентризм, Ж.-Л. Нанси, Ж. Симондон, В. Пелевин.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)